Алена Мэй

ЖДУЛЯ В ПОГОНАХ

Влюбилась в заключенного

18+

Алёна Мэй

Ждуля в погонах. Влюбилась в заключенного

«Автор»
2026

Мэй А.

Ждуля в погонах. Влюбилась в заключенного / А. Мэй — «Автор», 2026

— Отойди от меня, Северцев.— А то что? Рапорт напишешь? Пиши, Анастасия Сергеевна.— Я тебя насквозь вижу. Обычный манипулятор, который ищет жертву.— Ошибаешься. Жертву я нашел бы на воле. К чему мне заморочки с тобой?Я всегда смотрела на женщин с пудовыми баулами у ворот колонии с брезгливой жалостью. Они таскали передачи, глотали слезы и верили клятвам, пока заключенные смеялись над ними на своих шконках.Я была уверена: со мной этот фокус не пройдет. У меня погоны, холодная голова и иммунитет к тюремным сказкам.Пока я не заметила Севера.Он не пел серенад и не просил поблажек. Он подбирался ко мне иначе.А теперь я стою и понимаю: меня развели. От скуки или ради своей игры — уже не имеет значения.Ему нужна была удобная дура в форме.И он ее получил.От автора: Служебный роман и строжайший запрет Опасный мужчина и противостояние характеров Страх стать «ждулей» и подозрения в обмане Настоящие эмоции и стекло Гарантированный ХЭППИ-ЭНД

© Мэй А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вечерний обход 6
Глава 9. Рапорт и свобода 11
Глава 2. Пуговица 15
Глава 3. Ночной инцидент 22
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Алёна Мэй
Ждуля в погонах.
Влюбилась в заключенного

Глава 1. Вечерний обход

— Гад, ребра тебе сейчас переломаю за чай! Куда пачку заныкал, крысеныш?

— Не брал я твой пакет, Рябой, отвали от меня!

Грохот опрокинутой алюминиевой посуды вспорол тишину барака за считанные минуты до отбоя. Анастасия Краснова толкнула плечом тяжелую внутреннюю дверь жилого помещения и шагнула в длинный коридор барака.

В воздухе стоял тяжелый жар от батарей, смешанный с табачной вонью и неровным гулом сотни мужских голосов. До выключения света оставалось совсем немного времени. По правилам осужденные уже должны были сидеть по местам, однако дальний угол помещения кипел.

Настя сжала в кулаке рукоять резиновой палки на поясе и быстрым шагом двинулась вперед по крашеным половицам.

Возле угловой двухъярусной кровати назревала драка. Осужденный Рябов, грузный мужик с перебитым носом и темными наколками на костяшках, намертво прижал к ребристой батарее щуплого парня. Пальцы здоровяка намотали воротник чужой робы на кулак, заставляя пацана хрипеть и белеть от удушья. Паренек судорожно выставил локти, защищая голову от готовящегося удара.

Вокруг сцепившихся людей уже собиралась плотная толпа. Соседи по комнате лениво сползали с верхних ярусов, жадно наблюдая за чужой потасовкой. Для людей с гигантскими сроками любая кровь была бесплатным развлечением перед сном.

Здесь проверяли на устойчивость каждого сотрудника. Стоило молодой женщине показать хоть каплю страха, дать слабину или повысить голос до визга, как этот барак превращался в неуправляемую стихию.

— Отставить драку! — рявкнула Настя, вкладывая в окрик всю силу командного голоса. — Немедленно разойтись по своим спальным местам!

Толпа осужденных неохотно качнулась, открывая дежурной дорогу к батарее.

Настя вклинилась между мужчинами, резко опустив резиновую палку поперек предплечья Рябого.

— Осужденный Рябов, немедленно разжать пальцы и сделать шаг назад. Иначе прямо сейчас оформлю обоих в карцер.

Рябой скривил толстые губы и повернул к ней небритое, потное лицо. Хватку он не ослабил, нагло щурясь инспектору в глаза. Здоровяк проверял, хватит ли у молодой женщины духу применить силу перед сотней тяжелых арестантов.

— Этот щегол по моим полкам лазил, Анастасия Сергеевна. Крысятничество у нас в отряде не прощают.

— Я повторять приказ не стану, — холодно ответила Настя, удерживая твердый взгляд. — Немедленно убери руки от чужого воротника.

В глубине помещения, на краю нижнего матраса, сидел Артем Северцев.

Настя не обратила на него внимания при входе. Мужчина сидел спокойно, держа на коленях брезентовую рукавицу с толстой сапожной иглой, и выглядел обычным молчаливым арестантом в темно-серой казенной робе. В отряде таких было около сотни человек, серых и незаметных до поры.

Северцев неторопливо воткнул иглу в брезент, положил рукавицу на матрас и поднялся на ноги.

Одного его движения хватило, чтобы стоящие рядом осужденные без единого слова посторонились к перегородкам. Ростом Северцев превосходил любого в этой комнате. Он не повышал голоса и не размахивал руками. Он просто подошел к углу и опустил тяжелую ладонь на плечо Рябого.

— Отпусти пацана, Рябой.

Голос у Северцева был ровным и негромким, но здоровяк моментально втянул голову в плечи.

— Он пачку мою стянул, Север.

— За руку его поймал? — спокойно спросил Северцев, не убирая ладони с его плеча.

— Он возле моей тумбочки крутился, пока все на вечернюю поверку строились!

— Крутился — не значит взял, — ровно отрезал Северцев. — Утром дневальный откроет каптерку и разберется, кто куда заходил. А сейчас пальцы убрал. Не хватало еще, чтобы из-за твоих пустых криков дежурный наряд вызвали и весь отряд до утра на мороз выгнали.

Хватка Рябова дрогнула. Здоровяк скрипнул зубами, но перечить не посмел. Против спокойного слова Северцева и сердитых взглядов соседей по бараку спорить было нечем. Перспектива подставить под ночную проверку сотню арестантов отрезвляла мгновенно. Рябов разжал пальцы и нехотя отступил на полшага к своей койке.

Паренек судорожно перевел дух, сразу юркнул на спальное место и натянул одеяло до самого подбородка.

— Утром проверим, — зло бросил Рябов, пряча руки в карманы и глядя в крашеные доски пола.

В жилом помещении повисла тишина. Мужчины молча расходились по своим койкам.

Настю обожгла острая служебная досада. Авторитетный осужденный на глазах у всей комнаты решил проблему вместо неё. Одним спокойным словом он показал отряду, чье влияние здесь имеет настоящий вес, оставив сотрудницу надзора не у дел.

Она прекрасно знала лагерные повадки. Опытные арестанты любили строить перед сотрудницами благородных заступников. Они гасили чужие скандалы, создавали видимость помощи, а потом пытались навязать дежурной чувство долга, надеясь выпросить поблажки, лишний звонок или закрыть глаза на непорядок.

— Осужденный Северцев, стоять на месте, — жестко окликнула Настя, глядя ему в спину.

Северцев повернулся к ней лицом. Серые глаза смотрели прямо и спокойно, без тени заискивания.

— Слушаю вас, Анастасия Сергеевна.

— Почему нарушаете порядок и передвигаетесь по комнате после сигнала быть на своих местах?

— Помогал предотвратить драку в отряде, — ровно отозвался он. — Больше ко мне вопросов нет?

— Вопросы здесь задаю я, — отчеканила Настя. — Приготовиться к вечерней проверке спальных мест, всем оставаться на своих точках.

Она развернулась и пошла вдоль длинного ряда коек, проверяя порядок.

Мужчины сидели на краях нижних матрасов, аккуратно заправляя края одеял. Настя внимательно смотрела по сторонам, проверяя углы тумбочек на предмет самодельных ножей или других запрещенных предметов.

Возле дальнего окна находилось спальное место Северцева. Проход между железными стойками в этом месте был узким настолько, что двум людям было не разойтись. И прямо на дороге стоял Северцев.

По правилам осужденный был обязан отойти к стене, опустить глаза и держать руки за спиной. Однако Северцев стоял прямо перед ней, перекрывая единственный путь широкими плечами.

— Осужденный Северцев, сделайте шаг назад и освободите дорогу к спальным местам, — потребовала Настя, останавливаясь в полуметре от него.

Северцев остался на месте, глядя на нее сверху вниз спокойным, внимательным взглядом.

— Позади меня острый железный угол стойки, Анастасия Сергеевна. Не могу сделать шаг назад.

— Ваши соображения меня не волнуют, — Настя говорила тихо, чеканя каждое слово. — Я не стану обходить вас по кругу. Освободите проход, иначе прямо сейчас оформлю рапорт о неповиновении надзору, и ночь вы проведете в карцере.

Она ждала спора или наглой усмешки. Многие арестанты любили показать характер перед соседями.

Северцев лишь чуть прищурился, задержал взгляд на ее лице и сделал полшага вбок, освобождая ровно столько места, чтобы Настя могла протиснуться к тумбочке.

— Проверяйте, Анастасия Сергеевна. Запрещенного здесь нет.

То, с каким естественным спокойствием он назвал ее по имени и отчеству посреди притихшего барака, прозвучало совершенно непривычно. Настя сжала зубы, удерживая бесстрастное выражение лица. Показать смущение перед сотней осужденных было равносильно полной потере служебного авторитета.

Она подошла к его прикроватной тумбочке.

— Открыть к досмотру.

Северцев потянул деревянную дверцу на себя.

Внутри царил безукоризненный порядок: стопка аккуратно сложенных полотенец, жестяная кружка, мыльница и старая книга в потертом переплете. Никакого постороннего сора или обрывков бумаги на полках не лежало. Настя провела пальцами по нижнему настилу, проверяя отсутствие двойного дна.

Она уже хотела приказать закрыть дверцу, когда Северцев наклонился чуть ближе к ее плечу. Негромкий голос прозвучал у самого ее уха:

— Потапов идет по дорожке. Сворачивайте досмотр быстрее, он караулит каждый ваш шаг.

Настя резко выпрямилась, смерив его холодным взглядом.

— Я в ваших подсказках не нуждаюсь, Северцев.

— Дело ваше, Анастасия Сергеевна, — спокойно отозвался он. — Только он уже на крыльце.

В коридоре барака с тяжелым стуком отворилась входная дверь.

По доскам загремели подкованные подошвы тяжелых сапог, послышался перезвон ключей на кольце и хриплый, прокуренный кашель старшего смены.

— Краснова, ты уснула там? — гаркнул Потапов из темноты прохода. — Ведомость сдавать некому!

Настя захлопнула дверцу тумбочки и шагнула на середину прохода, встречая прапорщика лицом к лицу.

Из-за угла показалась грузная фигура Потапова в расстегнутом полушубке. Ремень свисал под круглым брюхом, маленькие злые глазки забегали по койкам, цепляясь сначала за Настю, потом за неподвижную фигуру Северцева.

— О чем тут шепчемся на ночь глядя? — подозрительно буркнул Потапов, шумно сопя носом. — Краснова, ты проверку ведешь или задушевные беседы с контингентом разводишь?

Настя подняла журнал проверок и посмотрела на старшего смены совершенно трезвым, ледяным взглядом.

— Досмотр окончен, товарищ прапорщик. Нарушений распорядка не обнаружено. Осужденный Северцев сдавал спальное место.

Потапов подошел ближе, подозрительно оглядывая пустые полки тумбочки и аккуратно заправленную постель. Придраться было абсолютно не к чему. Северцев стоял по стойке смирно, убрав руки за спину и уставившись в беленую стену.

— Смотри у меня, Краснова, — зло сплюнул Потапов на дощатый пол. — Дашь зэку слабину, завтра на шею сядут и погоны с тебя сорвут. Всем живо по местам!

Прапорщик развернулся и потащился к выходу, тяжело шаркая подошвами.

Настя подождала, пока в тамбуре не стукнет входная дверь. Внутри все кипело от бешенства и пережитого напряжения: Потапов действительно выслеживал ее оплошность, надеясь составить рапорт начальнику колонии, а осужденный прикрыл ее спину и предупредил, что тот входит в барак.

Она повернулась к Северцеву. Тот стоял неподвижно у своей койки, глядя прямо перед собой.

— Еще раз встанете у меня на дороге, Северцев, я оформлю рапорт на перевод в карцер на максимальный срок, и никакой Потапов меня не остановит, вам это понятно?

Северцев медленно повернул голову. Взгляд его был тяжелым и внимательным.

— Уяснил. Спокойного дежурства, Анастасия Сергеевна. До утра в отряде будет тихо.

Настя развернулась и быстрым шагом направилась к выходу.

Она спустилась с деревянного крыльца в темноту плаца. Ледяной ночной воздух ударил в лицо, сдирая тяжелый дух жилого барака. Вдоль высокого деревянного ограждения горели яркие фонари, на вышках маячили силуэты часовых, а вокруг темнела сибирская тайга. Настя сунула озябшие пальцы в карманы куртки, чувствуя: в этом бараке началась опасная игра, и отступать ей некуда.

Глава 9. Рапорт и свобода

Утренний развод на плацу проходил под низким, белесым небом.

Анастасия Краснова стояла у дощатой трибуны, привычно держа планшет со списками дежурной смены. Тот день на вещевом складе, полумрак между стеллажами и отчаянный поцелуй казались наваждением, приснившимся в бреду. Но её тело все еще хранило ощущение тяжести его ладоней, а губы помнили вкус его губ.

После развода бригад на котельную Северцев задержался у крыльца дежурной части.

Он не прятался и не озирался по сторонам. Мужчина дождался, пока другие осужденные пройдут в рабочий сектор через железные ворота шлюза, и спокойно подошел к досмотровому барьеру.

Настя подняла голову от бумаг. Сердце забилось быстрее, но она удержала строгую осанку.

— Осужденный Северцев, почему отстали от своей бригады?

Артём встал в положенных двух шагах от барьера, заведя руки за спину. Лицо его было спокойным, но в серых глазах читалась предельная мужская серьезность.

— Мне нужно сказать вам две фразы, Анастасия Сергеевна, — произнес он негромко, так, чтобы слова не долетали до вышки караула. — Больше задерживать не стану.

Настя сжала край планшета:

— Говорите.

— Я прекрасно понимаю, насколько опасна эта связь для вас, — твердо, глядя ей прямо в глаза, заговорил Артём. — Вы офицер, у вас служба и погоны. А я осужденный строгого режима. Никаких тайных свиданий, записок и переглядок по углам здесь не будет. Я не стану принуждать вас ни к какому выбору и не позволю себе подставлять вас под удар. Ни одна живая душа в колонии не должна заметить лишнего жеста. Потапов и без того ищет повод сорвать с вас погоны.

Настя затаила дыхание. Она ждала чего угодно, но только не этого спокойного, взрослого решения.

— А что будет дальше? — тихо спросила она.

Северцев чуть наклонил голову:

— Дальше я просто честно отбуду свой оставшийся срок. Никаких нарушений, никаких выговоров, день за днем до самого приказа об освобождении. А дальше решать только вам. Если дождетесь на свободе, мы будем вместе. На равных, без решеток и конвоя. Если решите иначе, я приму любой ваш выбор.

Он помолчал две секунды, удерживая ее взгляд, а затем коротко бросил:

— Берегите себя, Анастасия Сергеевна.

Север развернулся через левое плечо и широким шагом пошел в сторону котельной, догонять свою рабочую смену.

Настя осталась стоять на утреннем морозе, провожая взглядом его прямую спину.

С этого утра начались однообразные лагерные будни.

Дни потянулись чередой одинаковых дежурств: утренние проверки, сверки по картотеке, морозные обходы жилых секций, скрип мерзлого снега под подошвами и бесконечные журналы учета. Артём держал слово с железным упорством. Он не искал встреч, не задерживался в проходах, не пытался заговорить даже тогда, когда они оказывались рядом у стола дежурного. Единственное, что оставалось между ними, это редкие, короткие взгляды. Когда строй шел на обед или возвращался с работы, Настя встречалась с ним глазами всего на долю секунды, и этого прямого мужского взгляда хватало, чтобы понимать, что он не изменил своего решения.

Прошла зима, затем наступила короткая сибирская весна с мутными ручьями вдоль забора. Следом прошумело сухое сибирское лето.

Осенью в штабе колонии царила привычная служебная суета.

В кабинете начальника учреждения, полковника внутренней службы Григорьева, гудел старый напольный обогреватель, на дубовом столе высились папки с личными делами сотрудников. За окном шел мелкий моросящий дождь, срывая последние желтые листья с чахлых берез у плаца.

Дверь кабинета негромко скрипнула.

— Товарищ полковник, разрешите войти? — раздался четкий голос.

Григорьев оторвался от бумаг, снял очки в роговой оправе и кивнул вошедшей сотруднице:

— Заходи, Краснова. По какому вопросу? Проверка по пищеблоку готова?

Анастасия вошла в кабинет с безупречной выправкой. На ней был отглаженный форменный китель, погоны младшего инспектора сидели идеально ровно, светлые волосы были убраны в строгий узел под форменную пилотку. Ни тени сомнения, ни капли переживаний не читалось в ее движениях.

Она подошла к столу, вытянулась по стойке смирно и положила перед начальником белый лист бумаги, исписанный от руки ровным почерком.

Григорьев взял лист, поднес к глазам и нахмурился.

— Рапорт об увольнении по собственному желанию? — полковник удивленно вскинул седые брови, посмотрев на подчиненную поверх очков. — Краснова, ты в своем уме? Это еще что за фокусы?

— Никаких фокусов, товарищ полковник, — ровным, спокойным тоном ответила Настя. — Прошу подписать документ.

Григорьев шумно опустил ладонь на полированную столешницу:

— Ты послушай меня, сержант. Ты лучший инспектор в надзоре за последние три года. Ни одного замечания по службе, строгий порядок в секциях, характеристика в управление на повышение уже ушла. Через два года офицерские курсы, капитанская должность в спецотделе, льготная пенсия год за полтора. Ты в тридцать пять лет на государственное обеспечение выйдешь с ведомственной квартирой. Какое увольнение? Куда ты собралась уходить в этой глуши?

Настя встретила его сердитый взгляд со спокойной, открытой улыбкой.

— Я благодарна вам за доверие, товарищ полковник. Но мое решение окончательное и пересмотру не подлежит.

— Да в чем причина, объясни толком! Зарплата маленькая? Переработку снимем. Потапов достал своими придирками? Так я его на пенсию через месяц выпну, сам давно зуб на него точу! Что не так?

— Все так, товарищ полковник. Просто моя служба здесь окончена. Я уезжаю в город.

Григорьев долго смотрел на нее тяжелым командирским взглядом, пытаясь найти хоть трещину в ее спокойствии, но наткнулся на такую несокрушимую женскую уверенность, против которой любые служебные доводы были бессильны. Он тяжело вздохнул, покачал головой и притянул к себе ручку.

— Дурная ты девка, Краснова, — с досадой проворчал старый офицер, выводя размашистую резолюцию на полях рапорта. — Свою карьеру своими руками под корень рубишь. Ну смотри, потом локти кусать будешь.

— Не буду, товарищ полковник, — мягко ответила Настя.

Она забрала подписанный приказ, а вскоре сдала служебное удостоверение с жетоном и покинула расположение части.

***

На сибирскую тайгу снова опустилась ранняя, морозная зима.

Возле внешних ворот колонии строгого режима кружила легкая метель, белая поземка стелилась по укатанной колее дороги. Вокруг высились высокие дощатые заборы с рядами проволочных заграждений, на вышках маячили силуэты часовых в овчинных тулупах.

У проезжей части стояла молодая женщина.

На ней не было ни казенного бушлата, ни погон, ни тяжелых форменных сапог. Настя была одета в простое светлое пальто с пушистым вязаным шарфом, на ногах аккуратные зимние ботинки, а из-под вязаной шапочки выбивались светлые пряди волос. Она переступала с ноги на ногу на холодном ветру, пряча замерзшие пальцы в карманы, и не отрывала глаз от массивных железных створок шлюза.

Время тянулось медленно, каждая минута казалась бесконечной.

Внезапно в тишине морозного утра раздался лязг тяжелого засова.

Маленькая калитка в воротах медленно распахнулась.

На снег шагнул мужчина.

На нем была простая гражданская теплая куртка темного цвета, зимние ботинки и шерстяная шапка. Через плечо висела потертая спортивная брезентовая сумка с немногими личными вещами. За спиной мужчины створка ворот с тяжелым стуком захлопнулась, отрезая несколько долгих, вычеркнутых из жизни каторжных лет.

Артём Северцев сделал три шага по снегу и остановился.

Он поднял голову, жадно вдыхая вольный морозный воздух, и его взгляд упал на фигуру у дороги.

Мужчина замер на месте. В его глазах отразилось потрясение: перед ним стояла та самая женщина, о которой он думал все эти долгие месяцы разлуки.

Настя не выдержала.

С ее губ сорвался короткий вздох. Она сорвалась с места и побежала к нему по глубокому снегу, не разбирая дороги. Пальто распахнулось от быстрого бега, шарф съехал на плечи.

Северцев бросил тяжелую сумку прямо в сугроб.

Он сделал два широких шага навстречу и поймал ее на лету. Сильные мужские руки подхватили Настю, оторвав от земли, и прижали к широкой груди.

Настя обхватила его за шею обеими руками, уткнувшись лицом в плотную ткань его куртки. Из глаз хлынули горячие, неудержимые слезы, смывая весь пережитый страх, все месяцы тягостного ожидания, все сомнения и бессонные ночи.

— Дождалась, господи, дождалась, — всхлипывала она, сжимая пальцы на его плечах.

Артём держал ее в охапке, не опуская на снег. Его губы дрогнули в неловкой, растерянной улыбке, которую Настя никогда раньше не видела на его суровом лице. Человек, прошедший через тюрьму, держал в руках самое драгоценное сокровище своей жизни и боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть это хрупкое счастье.

— Настя, дурочка моя, — хрипло, прерывающимся голосом шептал он, целуя ее в холодные щеки, в виски, в мокрые ресницы.

Он бережно касался теплыми губами ее лица, стирая слёзы с нежной кожи.

— Я ведь думал, уехала, думал, не выдержишь, забудешь меня, — тихо говорил он, заглядывая в ее заплаканные, сияющие глаза.

— Куда я уеду от тебя, глупый? — сквозь слезы улыбнулась Настя, гладя ладонями его обветренное, небритое лицо. — Сняла квартирку в городе, в аптеку устроилась. Каждый день тебя ждала.

Северцев посмотрел на нее с таким чувством, от которого захватывало дух. Он опустил ее на землю, но рук не разжал, бережно прикрыл полы ее светлого пальто и поправил вязаный шарф на ее шее.

— Все позади, Настя, — твердо произнес он, прижимая ее к своему сердцу. — Теперь мы свободны. И больше нас никто не разлучит.

Они взялись за руки. Артём подхватил сумку со снега, и они не спеша пошли по заснеженной дороге прочь от серых лагерных вышек, навстречу своей новой, чистой и свободной жизни.

Глава 2. Пуговица

— Быстрее шевели карандашом, Краснова! На плацу минус тридцать два, караул коченеет! — рявкнул из глубины овчинного воротника прапорщик Потапов.

— Сверку веду строго по уставу, товарищ прапорщик, — Настя даже не повернула головы в его сторону.

Она стояла перед замерзшим строем четвертого отряда. Плотная фанерка со списками холодила пальцы даже сквозь толстую шерсть форменных рукавиц. Из-под меховой шапки выбивалась светлая прядь, на козырьке и ресницах оседала белая крупа инея.

Сто двадцать человек в одинаковых темных бушлатах переступали с ноги на ногу на укатанном до стеклянного блеска снегу. Над шеренгами стояло плотное белое облако пара. Мороз перехватывал дыхание при каждом вдохе.

— Зимин! — громко выкрикнула Настя, глядя в первую шеренгу.

— Я! — сипло выдохнул пожилой осужденный, втягивая голову в плечи.

— Кудряшов!

— Я!

— Ляхов!

— Я!

Настя размеренно шла вдоль строя, отмечая каждого карандашом в бланке. Грифель с трудом царапал затвердевшую на холоде бумагу. За спиной тяжело топал Потапов, раздраженно постукивая подкованными подошвами.

— Давай шевелись, Краснова, не тяни резину. Руки мерзнут, дома надо было сидеть, щи варить, а не в надзор проситься!

Настя сжала зубы, не опускаясь до перепалки со старшим смены:

— Рябов!

— Я! — злобно прогудел недавний зачинщик драки, пряча небритый подбородок в засаленный воротник.

— Себитов!

— Я!

— Северцев!

— Я.

Голос прозвучал спокойно и негромко, но отчетливо перекрыл скрип снега под десятками подошв.

Северцев стоял на правом фланге первой линии. Высокий, широкоплечий, шапка надвинута почти до бровей.

В эту секунду из-за угла дощатого барака хлестнул резкий порыв ветра. Метель швырнула в лицо колючую ледяную пыль.

Онемевшие от стужи пальцы Насти дрогнули.

Тяжелая фанерка со списками выскользнула из рукавицы, глухо ударилась о наст и покатилась по гладкой ледяной дорожке прямо под ноги осужденным.

Потапов за спиной злобно сплюнул:

— Ну все, Краснова! Растеряла бумаги перед строем!

Настя метнулась вперед, но каблук форменного сапога предательски скользнул по натертой корке. Нога поехала в сторону. Еще мгновение, и она рухнула бы на колени прямо на глазах у сотни арестантов.

Северцев среагировал без единого лишнего звука.

Он не дернулся корпусом и не сломал линию шеренги. Мужчина просто выставил ногу на полшага вперед и подошвой тяжелого зимнего сапога прижал край скользящей фанеры к ледяной корке.

По строю прошел приглушенный смешок. Десятки осужденных жадно впились взглядами в дежурную.

Настя удержала равновесие, чувствуя, как горячая кровь обжигает щеки от острой служебной досады. Принимать помощь от арестанта на глазах у всего отряда и старшего смены было худшим унижением перед людьми, которые только и ждали чужой оплошности.

Она сделала два быстрых шага к шеренге, наклонилась и резко подняла планшет с мерзлого наста.

Выпрямившись, Настя встретила спокойный серый взгляд Северцева и заговорила жестким, командным голосом:

— Осужденный Северцев, выйти из строя команды не было! Руки за спину, держать равнение!

Северцев даже бровью не повел. Он плавно убрал подошву с ледяной корки, вернул ногу на место и снова завел руки за спину:

— Слушаюсь, Анастасия Сергеевна.

Ни ухмылки, ни вызова. Ровный уставной ответ, от которого у Насти внутри все закипело еще сильнее.

Потапов подошел вплотную, тяжело сопя в воротник:

— Доиграешься, Краснова. Мужики над тобой уже посмеиваются. Закончила поверку?

— Четвертый отряд проверен в полном составе, товарищ прапорщик, — твердо доложила Настя. — Сто двадцать человек на месте.

— Разводи по рабочим секторам, живо! — махнул рукой Потапов.

Настя повернулась к строю и скомандовала во весь голос:

— Четвертый отряд, направо! По секторам шагом марш!

Шеренги тронулись с места, поднимая сапогами серую снежную пыль. Северцев шагал в общей колонне, держа шаг и глядя прямо перед собой.

Через двадцать минут в узком коридоре дежурной части Потапов перегородил Насте дорогу к оружейной комнате.

— Защитничка себе нашла, Краснова? — осклабился прапорщик, стягивая с головы заиндевевшую шапку. — Перед зэками на карачки чуть не встала. Планшетку из рук роняешь. Думаешь, если Северцев тебе бумаги прижал, ты для них авторитетом останешься?

— Бумаги на месте, товарищ прапорщик. Сверка проведена по регламенту, нарушений строя не допущено, — Настя держала подбородок прямо, глядя ему в переносицу.

— Не допущено у нее, — хмыкнул Потапов, вешая тулуп на крюк. — Раз у тебя руки на плацу трясутся, пойдешь сегодня дежурить на вещевой склад жилой зоны. Там как раз четвертый отряд перед выходом на котельную спецодежду и рукавицы получать будет. Вот и покажи там характер, инспекторша. Принимай ключи и марш на склад.

— Есть заступить на вещевой склад, — отчеканила Настя.

Она забрала тяжелую связку ключей со стола дежурного и вышла в холодный переход.

Помещение вещевого склада располагалось в дальнем конце хозяйственного блока. Внутри стоял сухой холод. Вдоль бревенчатых стен тянулись ряды тяжелых дощатых стеллажей с тюками казенных бушлатов, стопками простыней и связками брезентовых рукавиц со штемпелями колонии. В углу глухо шипел чугунный радиатор, отдавая скупое тепло, от которого едва оттаивали чернила в авторучке.

Настя сбросила тяжелый бушлат на деревянную лавку, оставшись в синей куртке, и села за сосновый стол.

Перед ней лежали ведомости выдачи имущества. Пальцы все еще ныли от утренней стужи. Настя изо всех сил старалась сосредоточиться на графах журнала, выписывая номера накладных, но перед глазами снова и снова вставал ледяной плац.

Она злилась на саму себя. Зачем позволила себе растеряться? Почему этот арестант вечно оказывается рядом именно в ту секунду, когда вокруг назревает скандал? В прошлый раз в бараке, сегодня на утренней поверке. Он явно выбирал момент, чтобы показать свое спокойствие перед строем и дежурными.

Входная щеколда громко лязгнула.

В помещение склада ворвался клуб морозного пара. Следом за паром через порог переступил Артем Северцев.

Мужчина плотно прикрыл за собой тяжелую дверь, сбил снег с шапки и остановился у деревянного барьера на положенном расстоянии.

— За брезентовыми рукавицами для четвертого отряда, — произнес он негромко.

Настя медленно положила ручку на край журнала и подняла голову.

— Накладная от начальника отряда где?

Северцев достал из кармана куртки сложенный вчетверо бумажный лист с синей печатью и положил на край деревянной стойки:

— Бригаду на котельную ставят, — ровно ответил он. — Угольный склад занесло, мерзлую породу долбить и дрова колоть.

Настя взяла накладную, пробежала глазами по аккуратным графам. Все было оформлено по правилам: двадцать пар брезентовых рукавиц со штампом части, роспись дежурного офицера, синий оттиск треугольной печати. Ни одной помарки, к которой можно было придраться.

Она поднялась из-за стола, обошла деревянный барьер и внимательно посмотрела на осужденного.

Требовалось восстановить служебную дистанцию. Показать арестанту, что утренняя заминка на скользком плацу забыта, а любые попытки держаться свободно будут пресекаться на корню.

Взгляд Насти скользнул по его плечам и зацепился за воротник куртки.

Верхняя пуговица была вырвана с мясом. Из плотного сукна торчали только растрепанные черные нитки. Ворот разошелся в стороны, открывая шею морозному сквозняку.

По правилам внутреннего распорядка неопрятный вид осужденного считался прямым нарушением дисциплины.

Настя остановилась перед барьером, скрестив руки на груди:

— Осужденный Северцев, почему нарушена форма одежды?

Мужчина опустил глаза, затем снова перевел взгляд на Настю:

— Нитки истлели, Анастасия Сергеевна. Вчера бревна у котельной разгружали, суком зацепило, пуговица и оторвалась.

— Ваши бревна меня не касаются, — холодно отрезала Настя. — По правилам внутреннего распорядка осужденный обязан являться в помещения части по форме. Застегнутым на все пуговицы. Вы находитесь не на прогулке, Северцев. За порчу вещевого довольствия положен рапорт и дежурство вне очереди.

Она ждала привычной реакции. Большинство арестантов на его месте сразу опустили бы глаза, принялись бубнить дежурные извинения и пообещали зашить куртку в первый свободный час, лишь бы не получить взыскание в личное дело.

Северцев взгляда не отвел.

Он стоял посреди прохода, высокий, широкоплечий, заслоняя желтый свет лампы под потолком. Капли растаявшего снега медленно стекали с его темной одежды на доски пола. Серые глаза смотрели прямо, без злобы или скрытой усмешки, но с такой мужской уверенностью, что у Насти перехватило дыхание.

Он сделал полшага вперед, приблизившись к деревянной стойке, и негромко произнес:

— Так пришейте, если вам порядок дорог, Анастасия Сергеевна.

В тесной комнате повисла тишина. Слышно было только, как в углу шипит чугунный радиатор.

Краска мгновенно бросилась Насте в лицо.

За два года службы в колонии ни один осужденный не смел разговаривать с ней в таком тоне. Это была открытая, неслыханная дерзость. За подобные слова она немедленно могла бы отправить любого в штрафной изолятор на максимальный срок.

Настя сжала край деревянной стойки так, что побелели костяшки пальцев:

— Вы кому дерзить вздумали, Северцев? Рамки не путайте! Забыли, кто перед вами находится?

Северцев не отступил назад. Он смотрел на нее сверху вниз, спокойно и раздельно выговаривая каждое слово:

— Все я помню. И вы не забывайте, Анастасия Сергеевна.

— Я инспектор надзора! — Настя повысила голос, чеканя каждое слово. — А вы осужденный колонии строгого режима! Прямо сейчас оформлю рапорт за неповиновение и оскорбление сотрудника при исполнении. Вы отсюда прямиком в карцер пойдете!

Северцев даже не моргнул. В его взгляде не появилось испуга.

— Пишите рапорт, Анастасия Сергеевна. Бумага все стерпит, начальник колонии подпишет. Только бригаде через двадцать минут на мороз выходить, уголь для котельной долбить. Без рукавиц мужики за час пальцы отморозят, а котел встанет. С карцера начнем или сначала дело сделаем?

Настя замерла, с трудом сдерживая рвущуюся наружу ярость.

Этот человек не оправдывался. Он не хамил, не выпрашивал поблажек и не боялся угроз. Он просто ставил ее перед фактом, заставляя выбирать между задетым самолюбием и служебной необходимостью.

Она резко развернулась, подошла к деревянному стеллажу и сбросила со второй полки тяжелую пачку брезентовых рукавиц.

Вернувшись к барьеру, Настя со стуком опустила связку на доски:

— Двадцать пар. Распишитесь в получении.

Северцев подошел вплотную, взял со стола авторучку и твердой рукой вывел подпись в ведомости.

Настя в упор посмотрела на него:

— И чтобы к вечерней поверке пуговица была пришита намертво. Лично приду в барак и проверю форму одежды. Если ворот будет расстегнут, ничего вас от рапорта не спасет.

Северцев положил ручку на журнал, поднял связку рукавиц и сунул ее под локоть:

— Будет пришита, Анастасия Сергеевна. Можете проверять.

Он повернулся и неторопливым шагом пошел к выходу. Дверь скрипнула, впустив очередную порцию морозного тумана, и со стуком захлопнулась за его спиной.

По доскам коридора прогремели тяжелые шаги и стихли за внешней дверью блока.

Настя осталась одна возле соснового стола.

В комнате по-прежнему монотонно шипел радиатор. В висках горячо стучала кровь.

Она опустилась на деревянную лавку, сжав кулаки. Казенная строгость, угрозы карцером и служебные полномочия разбивались об этого человека без малейшего следа. Его невозможно было испугать окриком, и это непоколебимое спокойствие злило и тревожило Настю сильнее открытого бунта.

Глава 3. Ночной инцидент

В бараке четвертого отряда перед отбоем стояла тишина.

Жилое помещение промерзло. Батареи едва грели, над рядами двухъярусных кроватей висел чад от сукна старых матрасов и табака. Осужденные сидели на краях коек, не поднимая взглядов от крашеных досок пола.

Настя шла по центральному проходу, прижимая к боку журнал вечерней проверки.

Подошвы сапог скрипели по доскам. За ней следили десятки глаз. Но Настя шагала прямо, высоко держа подбородок и сжав рукоять резиновой палки.

Она шла к угловой койке у дальнего окна. Утром на складе она обещала лично проверить форму одежды Северцева. Не приди она, Север решил бы, что надзор струсил. На строгом режиме слабость не прощали.

Северцев поднялся на ноги за два шага до того, как Настя поравнялась с его местом.

Он встал, выпрямившись во весь свой огромный рост и заведя руки за спину. Шапка лежала на тумбочке, темные короткие волосы на висках тронула ранняя седина, а над левой бровью белел след старого шрама.

Взгляд Насти скользнул по его воротнику.

Верхняя пуговица была на месте. Пришита черными толстыми нитками, намертво, ровными стежками. Ворот казенной куртки плотно сошелся под самым подбородком, закрывая шею.

— Осужденный Северцев, — холодно произнесла Настя, остановившись в полуметре. — К осмотру.

Северцев не шелохнулся:

— Пуговица на месте, Анастасия Сергеевна. Форма соблюдена.

Настя опустила глаза на его руки за спиной. Костяшки сбиты, под ногти въелась угольная пыль. Человек весь день ворочал смерзшиеся глыбы на морозе, разбивая породу ломами, но стоял прямо, не показывая усталости.

Настя сжала губы, удерживая строгую маску:

— Вижу, что на месте. Десять минут до сигнала отбоя. Всем оставаться на своих местах.

Она развернулась, собираясь пойти к выходу, когда Северцев негромко произнес ей вслед:

— В дежурке чайник горячий согрейте, Анастасия Сергеевна. Губы у вас побелели от холода.

От этой спокойной фразы у Насти перехватило дыхание. За всё время работы никто и никогда не поинтересовался, как она. А арестант заметил, что она мёрзнет.

Настя резко обернулась, чеканя каждое слово:

— Осужденный Северцев, отставить разговоры с надзором!

Северцев лишь чуть наклонил голову:

— Слушаюсь, Анастасия Сергеевна.

В коридоре взвыл зуммер общего отбоя.

Через два часа стояла полная тишина.

На столе под лампой стояла холодная кружка. Настя сидела не снимая куртки, пальцы ныли от усталости. За окном билась метель, термометр показывал минус тридцать пять.

Входная дверь распахнулась с грохотом.

В комнату ввалился прапорщик Потапов. Лицо красное, заплывшее. Потапову оставалось всего пять месяцев до пенсии. Двадцать лет в тайге научили его главному правилу: никаких резких движений и ни одного происшествия на смене.

Краснова была для прапорщика бедствием. Девчонка в надзоре на строгом режиме казалась Потапову фитилем у пороховой бочки. Любое ЧП на смене, будь то нападение на сотрудницу или бунт, грозило старшему смены судом за халатность и потерей повышенной пенсии. Потапову требовалось выжить ее из жилой зоны. Довести до слез, подловить на промахе и рапортом сплавить в канцелярию штаба, перебирать карточки подальше от бараков.

Потапов бросил на край стола засаленную папку:

— Не спишь, Краснова? Вот и отлично. Ноги в руки, и бегом на котельную.

Настя подняла голову, глядя прапорщику прямо в лицо:

— Какая котельная, товарищ прапорщик? По графику ночного дежурства у меня обход жилых секций номер два и три.

— График я тут устанавливаю! — рявкнул Потапов, нависая над столом. — На котельной авария. Транспортер забило, давление падает. Четвертый отряд подняли, согнали глыбы вручную колоть. Пойдешь и проконтролируешь, заодно проверишь инструмент. Пересчитаешь все кувалды, ломы и клинья по описи. Чтобы ни одной железки мимо ящика не ушло.

— В котельную ночью положено заходить вместе с дежурным нарядом, — твердо возразила Настя.

Потапов злобно осклабился:

— Наряд ей подавай. Караул коченеет, людей не хватает. Испугалась, инспекторша? Сама сюда на выслугу напросилась, вот и отрабатывай паек. До четырех утра акт приема инструмента должен лежать у меня на столе. Не принесешь вовремя, с утра положу рапорт о срыве дежурства хозяину колонии. Поняла меня?

Настя поднялась из-за стола, натягивая форменные рукавицы:

— Приказ понятен.

Она застегнула бушлат, забрала журнал и вышла в ночь.

Мороз ударил в лицо, дыхание перехватило. Двор тонул в белесой крупе. Фонари вышек едва пробивали метель. Настя пошла к котельной.

Здание встретило ее низким гулом и грохотом железа.

Внутри стоял тяжелый жар. Из лопнувшего фланца под потолком со свистом вырывался пар, оседая каплями на стенах. В огромных топках бушевало пламя. Осужденные четвертого отряда в почерневших робах бросали лопатами черный уголь в раскаленные топки.

Северцев был среди них.

Он стоял на нижней площадке у бункера с кувалдой в руках. Куртка была расстегнута, от мокрых плеч валил пар. Он бил по смерзшейся угольной глыбе с усилием, раскалывая породу на куски.

Заметив вошедшую сотрудницу, арестанты притихли.

Настя сделала вид, что не замечает взглядов:

— Бригадир котельной, журнал учета инструмента на стол!

Осужденный у котла вытащил из ящика фанерную папку и положил на верстак.

Настя открыла опись. По регламенту требовалось лично проверить нижний ярус, решетчатый отсек под бункером с тяжелыми ломами и клиньями.

Она подошла к трапу, ведущему в яму под транспортером.

Настя взялась за поручень и шагнула на первую перекладину.

Каблук сапога скользнул по мокрому налету. Ступени покрылись скользкой коркой конденсата.

Нога сорвалась. Рука в рукавице соскользнула с трубы перил. Настя потеряла равновесие и полетела спиной вниз, прямо на железные зубья приемного ковша.

Крик застрял в горле.

В следующую долю секунды сильный рывок буквально выдернул ее из падения.

Северцев перехватил ее на лету.

Одной рукой мужчина намертво вцепился в стойку ограждения, а второй обхватил Настю поперек талии, вжав спиной в свое тело.

Грохот топок на мгновение отступил на задний план.

Настя оказалась прижата к его груди. Она чувствовала жар его тела через сукно куртки, глухие удары сердца и силу руки, державшей ее вес без видимого усилия. Лицо Северцева было у самого ее виска, горячее дыхание обжигало щеку.

По коже пробежала дрожь. Эта близость в темноте котельной ударила в голову с такой силой, что потемнело в глазах. Появись сейчас на пороге Потапов, этой секунды хватило бы, чтобы Настю с позором уволили со службы, а Северцева заперли в изоляторе.

Северцев удержал ее ровно столько, чтобы ее сапоги встали на площадку.

И сразу разжал пальцы.

Он отступил на полшага назад, опустив руки по швам:

— Поручень держите двумя руками, Анастасия Сергеевна. Ступени обледенели от пара.

Настя перевела дух, хватаясь пальцами за железо. Сердце колотилось в горле так, что трудно было вздохнуть.

— Спасибо, Северцев, — вырвалось у нее тише, чем следовало.

Северцев посмотрел ей прямо в глаза. Лицо его оставалось спокойным, но голос прозвучал так тихо, что слышала только она:

— Потапов вас сюда нарочно выпихнул. Знал, что трубу сорвало и трап обмерз. Ему пять месяцев до пенсии дотянуть без ЧП надо, а девчонка в надзоре для него обуза. Ждал, что испугаетесь или шею свернете, чтобы утром положить рапорт хозяину колонии и сплавить вас в штаб перебирать бумаги. Не ходите одна туда, куда он вас шлет. Он целенаправленно вас выживает.

Настя замерла, глядя на его небритое, опаленное жаром лицо.

Осужденный предупреждал ее о подлости Потапова. Защищал от ее собственного начальника.

Она с трудом вернула голосу служебную твердость:

— Я сама разберусь со старшим смены, осужденный Северцев. Назовите номера инструмента в нижнем отсеке.

Она быстро проверила пломбы, заполнила акт и вышла из котельной во двор.

Смена кончилась в шесть утра.

В служебной комнате общежития в поселке стоял холодный полумрак. Настя сидела на кровати, сжав виски ладонями. Форменный бушлат лежал на табурете. Ее била мелкая дрожь.

Она не могла уснуть. Память упрямо возвращала жар его тела, хватку руки на талии и низкий голос у самого виска.

«Краснова, ты с ума сошла, — шептала она себе в темноту, кусая губы. — Ты надзиратель в колонии строгого режима. А он зэк. Осужденный за тяжкие телесные повреждения, чуть не покалечивший человека. О чем ты думаешь?»

Она попыталась зацепиться за трезвый рассудок, вспомнить его личное дело. Никаких поблажек. Он преступник.

И тут в памяти всплыл вечер недавнего дежурства.

Досмотр тумбочки у его койки в бараке.

Настя вспомнила, что лежало на полке за аккуратной стопкой казенных полотенец. Старая книга в потертом переплете. Тогда, торопясь закончить проверку до Потапова, она лишь мельком скользнула по ней взглядом.

Это был не дешевый детектив и не лагерный роман. На полке лежал том Джека Лондона.

Зачем опасному драчуну с тяжелой статьей читать классику и держать вещи в образцовом порядке?

Насте стало не по себе. Это не укладывалось в привычный лагерный шаблон.

Она потянулась к столу, включила телефон и открыла браузер.

Пальцы быстро набрали в строке: «как заключенные влюбляют в себя женщин, психология лагерного обольщения».

Среди ссылок Настя открыла форум женщин, прошедших через отношения с осужденными: ветку с тысячами откликов под названием «Как лагерные разводчики крутят женщинами и зачем им это нужно».

На экране высветилась откровенная статья:

«Девочки, открывайте глаза сразу, пока не поздно. В колониях сидят прожженные актеры и манипуляторы. Времени у них навалом, и они годами оттачивают вранье. Никакой любви за решеткой нет. Запомните: зэк никогда не ищет душу, он всегда ищет ресурс. Ему нужны ваши

деньги, бандероли с чаем и сигаретами, передачи, оплата передач и комфортная сытая жизнь. А еще самоутверждение и власть над чужой волей.

Схема раскрутки всегда начинается по одним и тем же законам.

Первый ход: слепить образ особенного человека.

Зэк никогда не покажет сразу гниль или хамство. Он создает видимость гордого, непонятого мужчины со стержнем. Держится с достоинством, подчеркнуто следит за чистотой, старается прилично выглядеть и говорить. Женщина тут же ведется: думает, что перед ней глубокий человек, который просто оступился из-за несправедливости.

Второй ход: зацепить фальшивой заботой.

Они прекрасно чувствуют женское одиночество и дефицит тепла. Обычные мужчины редко замечают усталость, а этот начинает подмечать каждую деталь: что ты устала, голодна, расстроена. Это расчетливый крючок. Женщине кажется, что ее наконец заметили и согрели заботой, а мошенник просто ломает дистанцию и переводит общение в личное русло.

Третий ход: примерить маску защитника.

Показать мужскую силу вовремя и без шума. Создать видимость, что вокруг кругом подлецы и завистники, от которых он готов прикрыть. Внушить, что в этом жестоком мире доверять можно только ему. Женщина начинает верить, что нашла надежную стену, и теряет всякую осторожность».

Настя замерла.

В глазах потемнело от сокрушительного стыда.

Все сошлось до мельчайшей черточки. Том Лондона на полке, оторванная пуговица, слова о побелевших губах, рывок у транспортера и шепот про Потапова. Никакого благородства. Никакого реального тепла.

Ее методично вели на убой по банальной лагерной шпаргалке. Зэк просто отрабатывал на ней стандартный номер, выверяя каждый шаг, пока она втайне вздрагивала от его присутствия и искала оправдания драчуну с серьёзной статьёй!

Она, инспектор надзора, с презрением смотревшая на наивных баб с баулами у проходной, сама чуть не шагнула в этот же капкан.

Сердце колотилось от бешенства.

Дрожащими пальцами Настя листала текст дальше, впиваясь глазами в экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.